

Коллективная память — сложный и во многом таинственный феномен. Импульсы высокого разряда, характерные для переломных эпох, сменяются в её стихии ровной и уверенной амплитудой массовых и ежедневных усилий во времена относительной стабильности. И здесь смысловой акцент — на слове усилий. Как бы мы не трактовали феномен памяти, в её основе лежит разумная человеческая деятельность, результат которой соизмерим затраченным усилиям. Особенно хорошо это представляют себе те, кто занят в мемориальной деятельности: от самостоятельного составления генеалогического древа до создания концептуального взгляда на события прошлого.

Мемориальные традиции: истоки и практика

Игорь Гарькавый,

директор
мемориального научно-просветительского центра
«Бутово»;
butovozentr@mail.ru
www.butovo37.ru

* Мемориальный центр «Бутово» был создан в 2002 г. по инициативе прихожан храма Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне с целью координации усилий государственных, религиозных и общественных организаций по созданию мемориального комплекса на месте бывшей спецзоны НКВД-ФСБ «Бутово». Документально известно, что только в период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г. здесь было расстреляно и захоронено 20 760 человек. По материалам проверки, проведённой весной 1993 г. Министерством Безопасности РФ, расстрелы и захоронения проводились с конца 1935 г. Общая протяжённость тринадцати погребальных рвов составляет почти 980 метров.

Главной уставной целью организации является восстановление исторической справедливости путем максимально возможного сохранения для будущих поколений духовных, научных и эстетических ценностей, созданных людьми, погибшими в годы массовых репрессий.

Деревянный храм Новомучеников и Исповедников Российских на территории захоронений.

Наш опыт работы по созданию историко-мемориального комплекса «Бутовский полигон» заставляет осмыслить проблему соотношения религиозного и светского начал в мемориальных традициях. Эта проблема возникает перед тем, кто занят символическим выражением памяти. Совместимы ли религиозные и светские ритуалы и символы памяти?

Один и тот же знак может иметь различную интерпретацию в различных культурных средах. Но что такое светская культура? Ошибочно понимать светское как атеистическое. Существует философская вера, практический деизм и т.д. Сама «светская культура» не представляет собой чего-то монолитного, и по отношению к религиозным символам и традициям в ней можно обнаружить как непримиримое отрицание, так и попытку культурного синтеза. В этом случае традиционные символы и практики приобретают иную интерпретацию и значимость: как «историческое наследие» или «национальные символы» или просто как

некие универсальные метафоры чего-то трансцендентного. Памятник, являющийся для одних «национальным символом и наследием прошлого», для других может переживаться как аутентичная ценность их религиозной традиции, имеющая сверх того ещё и культурную значимость. Совокупность таких ценностей образует в этих культурных пространствах пограничную область. В светской культуре она представлена как интерпретация религиозного опыта, а в развитой религиозной культуре это же содержание получает дополнительный культурный смысл. Так появляется возможность и даже необходимость продолжения диалога и синтеза новых интерпретаций и смыслов.

Особенно хорошо это видно на примере эволюции символа креста в погребальной культуре. Если в церковной среде крест по-прежнему понимается как символ Жизни, победы Христа над смертью, то в светской культуре тот же крест стал знаком смерти, конца, но при этом не потерял своего смысла как знак национальной

Мемориальные традиции: истоки и практика

общности, объединяющей и верующих, и неверующих. То есть стал для многих признаком исторической общности, «местом памяти». Поэтому одной из наших задач мы видим конструирование мемориального пространства, в котором символические формы будут давать возможность множественных прочтений. Для одних они будут аутентичным продолжением традиции, для других станут метафорами общего исторического и культурного национального опыта, для третьих — универсальными метафорами общечеловеческого масштаба. Важна принципиальная способность символов порождать различные смыслы, преломляясь в различных культурных контекстах.

Задача сохранения памяти о трагических событиях отечественной истории наиболее полно реализована в тех мемориальных комплексах, где в полной мере учитываются многовековые традиции отечественной культуры памяти. Они основаны на ценностях и символической системе восточного православного христианства, на той практике, которая сформировалась в эпоху Вселенских соборов и получила развитие Поместными церквями, в ответ на потребности общества и вызовы времени. Многие из этих традиций постепенно превратились в элементы общенационального духовного наследия, поэтому мы обязаны их понимать, чтобы вести аргументированный диалог.

Почитание «места скорби», места народной памяти о том или ином трагическом событии неординарного масштаба является принципиальным моментом православной мемориальной культуры. Ведь и место, и время для Церкви имеют значение, поскольку их освятил своим явлением Сам Спаситель. Для христиан всё в истории спасения человечества реально, а значит имеет место¹. В Западной Европе постепенно сформировался целый ряд такого рода памятных мест. Известные древнеримские сооружения, такие как Колизей, для средневековых паломников представляли интерес прежде всего как место казни первых христиан. Развалины амфитеатра в столице Римской провинции Галлии — Лунгдуне (нынешнем Лионе) сохранялись как памятник галльским мученикам. В самом Риме даже место заключения апостолов Петра и Павла — Мармергинская темница, стало объектом почитания, со временем превратившись в основание храма.

Как продолжение, в русской мемориальной культуре большое значение получила традиция строительства храмов «на Крови». Она развивается в нашем

¹ Почитание мест, связанных с земной жизнью Иисуса Христа, уходит своими корнями в первые столетия, тогда уже становились предметом поклонения места мученической кончины исповедников христианской веры, где позднее сооружались храмы. Прежде всего, актуально это было там, где мощи святых не удавалось сохранить, однако и в том случае, когда реликвии были обретены, на самом месте мучения часто возводились мемориальные церкви (например, храм св. муч. Агнии (Агнессы) in agone в Риме на Piazza Navona и др.).

Отечестве уже почти тысячу лет (если считать первыми такого рода объектами памятные монастыри на Альте и на Смядыни, основанные на местах убийства св. кн. Бориса и Глеба в середине XI века, а последними – в начале XX века – храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге и уже в наши дни – храм Царственных мучеников на месте дома Ипатьева в Екатеринбурге). Само место гибели того или иного страдотерпца, как правило, не совпадающее с местом последующего захоронения его останков, отмечалось строительством храма или часовни, реже монастыря. Это была форма сохранения памяти об убиенном, до канонизации, и молитва к уже прославленному святому; сохранение в народной памяти самого исторического события и одновременно предостережение современникам и потомкам, актуализация христианских ценностных ориентаций в политической культуре своего времени; и, главное, всенародное покаяние за пролитие крови праведника. Благодаря наличию храма, Дома Божия, находясь в котором человек хотя бы на время выходил за рамки земного, грешного мира и вступал в пространство благодатного присутствия Бога, место скорби, место преступления превращалось

в место покаяния, очищения (катарсиса) и примирения через покаяние, грешника с Богом и Церковью и, через Церковь, со всем миром.

На протяжении многих столетий в России существовала также традиция мемориализации мест массовых захоронений. Братские могилы Древней Руси – «скудельницы» или «Божья дома» впервые упоминаются в источниках ещё под 1215 годом в Великом Новгороде. Существовали скудельницы двух типов: одни из них возникали во время массовой гибели населения во время войн, эпидемий, массовых казней (например, во времена опричнины или стрелецких казней конца XVII века); другие – действовали постоянно как место погребения жертв нищеты, голода, разбоя и т.д. Эти места находились под юрисдикцией церкви, забота об их содержании и совершении заупокойного богослужения лежала на епархиях, храмах и монастырях. В отечественной агиографической традиции отмечена особая забота святых Русской Церкви о содержании скудельниц и поминовении усопших (преподобные Даниил Переяславский, Корнилий Печерский и др.). В богослужебной

практике Русской Церкви существовал особый чин отпевания и особые традиции заупокойного поминовения погребённых в братских могилах.

Серьёзного внимания в этой связи заслуживает традиция празднования «Семика». В четверг накануне Дня Пресвятой Троицы во многих городах России до конца XVIII века происходили массовые крестные ходы к «убогим домам», чтобы совершить обряд погребения тех, кто был зимой без отпевания положен в общую могилу, и молитвенное поминовение всех, для кого «Божедомье» стало местом последнего упокоения. Тщательно разработанная обрядовая сторона делала этот ритуал важным явлением в духовной

такие известные монастыри, как обитель Святых Апостолов, что на Пропастях в Великом Новгороде, в Москве — Покровский и Варсонофиевский монастыри, и многие другие.

Типологически близкой к скудельницам формой массовых захоронений были и до сих пор остаются воинские братские кладбища. Воинские мемориалы XVIII — начала XX веков дают интересные примеры синтеза традиционной погребальной символики и новационных элементов воинского мемориала, главным из которых становится, получивший самостоятельную идеологическую значимость, памятник воинской славы. Особое внимание привлекает история формирования мемориального комплекса на Бородинском поле. Спасо-Бородинский монастырь практически стал ядром, вокруг которого сформировалось мемориальное пространство памятника истории, включившего в себя в том числе и братские могилы воинов обеих армий таким образом, что светская и религиозная составляющие комплекса не противостояли, а гармонично дополняли друг друга. Своеобразным итогом двухсотлетнего поиска адекватных символических форм для воинских захоронений стало знаменитое Братское кладбище воинов Первой мировой («Второй Отечественной») войны в Москве.

Какие элементы включали в себя традиционные мемориальные захоронения? Все начиналось с установления памятного креста и/или «гольбца», позднее строилась часовня для совершения поминального богослужения, и если появлялась возможность, строился храм, часто становившийся ядром монастыря. Важно отметить, что все эти элементы не противоречили друг другу и «не накладывались» друг на друга, как правило, продолжая долгое время сосуществовать в едином ансамбле. По-разному они свидетельствовали о победе Жизни над смертью, придавая этим страшным местам человеческого горя и богооставленности новый смысл, создавая духовно напряжённое пасхальное переживание земной драмы.

В христианской культуре ярко выражена традиция увековечения имени. Очевидно, что её корни уходят

Мемориальные традиции: истоки и практика

жизни древнерусского общества. Здесь проявлялась и переживалась экзистенциальная общность людей перед лицом смерти и Вечности. Общность судьбы тех, кто, так или иначе, оказался безымянной жертвой социальной катастрофы или социальной несправедливости, требовала поиска адекватных символических форм для увековечения их памяти. Как правило, рядом с местом такого захоронения возводилось культовое сооружение для соборного поминовения. Многообразие форм мемориализации здесь было велико: от памятного креста, часовни или храма до сложного монастырского ансамбля, который включал территорию захоронений в свою ограду. У скудельниц выросли

в религиозную практику поминовения, т.е. воспоминания имени усопшего в молитве за его посмертное спасение. С первых веков христианской эры проявляется стремление увековечить имена усопших членов Церкви. От «титули», досок из римских катакомб II-III веков, сохранивших имена членов христианской общины, до наших дней, на кладбищенских памятниках и в церковных синодиках, ради молитвенного поминовения пишется имя христианина, поскольку связь усопшего с Церковью Земной и Небесной и молитва о нём не прекращаются. Изучение и увековечение имён пострадавших — это естественная попытка преодолеть обезличенность братской могилы, часто скрывающей останки сотен и тысяч жертв. Мемориальные плиты или доски могут быть установлены на территории мемориала или даже внутри храма²!

В наши дни важным элементом мемориального комплекса становятся электронные базы данных. С их помощью можно не только «всех поимённо назвать», но и сохранить всю возможную информацию о пострадавших. Используя эти массивы информации можно подготовиться к печати Книги памяти или Синодики для молитвенного поминовения в соборной и частной молитве³.

Для развития европейской мемориальной культуры фундаментальное значение имело то обстоятельство, что в христианской традиции молитвенное поминовение может получать развитие через увековечение памяти о личности человека и санкционирует, таким образом, зарождение протомузейных форм в сакральном пространстве храма (собрания памятных вещей, реликвий и раритетов, реликварии и древлехранилища). Постепенно музей обретал самодостаточность, оставаясь при храме (так работали и работают в наши дни церковно-археологические музеи). Храм — не музей. Но музей и храм тесно связаны друг с другом. Их сход-

ство — деятельность, действие, а не просто пассивная роль памятного знака, будь то памятная доска или скульптурное изображение. И в этом контексте по-иному видится главная задача музея, включённого в единый с храмом мемориальный комплекс. Целью музейной работы становится развёрнутая в диалоге со всем обществом и миром деятельность по увековечению памяти о личности специфическими музейными средствами, в постоянном диалоге с иными формами поминовения, в том числе и церковными. Возникает особого рода межличностная коммуникация, где местом для встречи и диалога между живыми и усопшими на равных правах, но по-разному, могут выступать и музейная экспозиция, и священное пространство храма.

Мемориальный комплекс на месте подсобном Бутовском полигону всегда имеет большое общественное значение. Его задача — донести до самых разных людей память о трагедии. Поэтому его элементы должны, с одной стороны, отражать существующие традиции, без следования которым теряется смысл мемориальной деятельности как таковой, с другой — адекватно отвечать на вызовы времени. Основу экспозиции нашего музея составляют материалы о жизни и деятельности погибших на данном месте или тех, кто был связан с этим местом в годы массовых репрессий. Цель — вернуть имена людям, оклеветанным и незаслуженно забытым. А это значит не только перечислить их по списку, но и рассказать, какими они были, понять их жизненный выбор.

Бутовский полигон на сегодняшний день действует как место памяти и общеевропейский символ эпохи массового террора 30-х годов прошлого века. Несмотря на то, что главным в нашей деятельности является сохранение памяти о пострадавших, мы отчётливо понимаем, что Бутово — это то место, где у многих наших современников формируется историческое самоосознание, ответственный взгляд на общество и свою роль в историческом процессе.

² Правда, в большинстве случаев мы сталкиваемся со сложным этноконфессиональным составом пострадавших.

³ Церковь знает не только различные формы увековечения имени, но и традицию прославления памяти канонизированных страстотерпцев и мучеников в посвящении престолов в храмах, в богослужении и иконографии.